

а Мьстислава Мьстиславича и сами ведаета в том племяни, оже дана ему от бога храбрость изо всех. А, господина, гадаета». И не люба бысть речь си князю Юрью и Ярославу“. Против этого предложения примириться выступил „некто бояр князь Юрьевых“ и „люба бысть речь князю Ярославу“.¹ Из этого определения второго боярина, как принадлежавшего к боярам князя Юрия, следует, что первый боярин, также не названный по имени, был из числа ярославовых приближенных.

Итак, речь боярина, взывавшего к примирению, не понравилась Ярославу, вызвала осуждение с его стороны. Нет оснований предполагать, что среди советников и дружинников князя только один упомянутый летописцем боярин был против вступления в бой с противниками. Если сделать единственное допущение, что среди разделявших мнение об опасности вступления в бой был и будущий автор „Моления“ и что он в самой битве обнаружил недостаток храбрости („аще ти есмь на рати не хоробр, но на словех ти есм крепок“), то мы имеем в данном случае наиболее правдоподобную из тех исторических ситуаций, которые могли вызвать появление в свет нашего памятника. Эта ситуация удовлетворительно объясняет и причину немилости и увольнения дружинника („отлучен света от очию твоею“) и смысл рассуждений о преимуществе мудрости перед храбростью.

В связи с неудачным исходом Липицкой битвы Ярослав вообще проявлял раздражение и даже пустил в ход репрессии, о чем свидетельствует, например, жестокая расправа, которую он учинил над смолянами и новгородцами, „иже бяху зашли гостьбою в землю его“ (Лавр. летоп., стлб. 500). В отношении своего дружинника, к тому же проявившего, как это видно из текста „Моления“, во время битвы трусость, наиболее вероятной мерой наказания было бы удаление, увольнение. Для заключения о заточении автора в тексте нет никаких данных, что и было впервые и убедительно доказано акад. В. М. Истриным.²

Итак, исключительные обстоятельства, предшествовавшие Липицкой битве, и поражение в ней Ярослава могут объяснить такую неожиданную в устах княжеского дружинника защиту „не хороброго на рати“, его рассуждения о „крепких в замыслех“ думцах и, наконец, просьбы о милости и советы „збирати мудрыя“.³

Доказательства преимущества ума перед храбростью приводятся в двух направлениях: 1) по связи с обстоятельствами, предшествовавшими Липицкой битве и следовавшими за нею, 2) при помощи исторических и библейских примеров и аналогий. Те и другие доказательства автор

¹ Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 3, изд. 2, Л., 1928, стлб. 495.

² В списке Ундольского, вследствие неправильного перегиба листа в его оригинале пропущена фраза — „тем збирай храбрыя и совокупляй смысленя“, однако на логический ход мыслей изложения это не повлияло, и из других эпизодов, вошедших и в список Унд., ясно, что Даниил действительно видит „богатство“ царя и князя „во множестве храбрых и мудрых“ (Унд. 60).

³ Был ли Даниил Заточник действительно заточен. Одесса, 1902.